

Литература

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994.

Summary. The article is devoted to research of the concept "Time" in M. Tsvetaeva's prosaic creativity. Lexicological, phraseological and grammatical features of verbalization of this concept in language picture of the world of M. Tsvetaeva are analyzed.

Ярошук И. А.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕМ (на материале художественной прозы писателей Черноземья)¹

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
inna_lad@mail.ru

Взаимодействие аспектов и факторов вторичного семиозиса определяет идейное и категориальное пересечение дисциплин, занимающихся изучением языковых знаков косвенно-производной номинации. Когнитивно-прагматический подход к исследованию знаков не прямой номинации, в частности фразеологических единиц, в современной науке приобретает всё более устойчивые позиции, что связано с функциональным взаимодействием идей лингвопрагматики и лингвокогнитивистики.

В ходе эволюции лингвистических учений возникла когнитивная лингвистика, которая имеет достаточно глубокую содержательную базу, истоки которой следует искать в трудах ученых XIX века – В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Г. Гийома, К. Бюлера, Н. В. Крушевского, И. И. Мещанинова и др. Современная методология отечественной когнитивно-семантической теории создавалась в трудах Е. С. Кубряковой (ономазиологическая теория), Ю. Д. Апресяна (семасиологическая концепция), Ю. С. Степанова (семиологическая концепция языка), Н. Д. Арутюновой (логико-лингвистическое направление), С. Д. Кацнельсона (постулаты относительно речемысле-тельной деятельности), А. В. Бондарко (концепция функционально-семантических полей). Большую конструктивную роль в становлении лингвокогнитивистики как науки сыграли исследования В. С. Виноградова, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева, А. А. Залевской и др. Когнитивная лингвистика стала самостоятельным научным направлением в 1989 году, когда исследователи лингвокогнитивных явлений учредили Международную ассоциацию когнитивной лингвистики (International Cognitive Linguistics Association – ICCLA) и журнал *Cognitive Linguistics* (Когнитивная лингвистика), первый номер которого вышел в 1990 году. В 2003 году были созданы Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (РАЛК) и журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» (Алефиренко, 2008: 5).

Прагматика как раздел семиотики, изучающий соотношение языковых знаков и их пользователей в конкретной коммуникативной ситуации, впервые был описан Чарлзом Сандерсем Пирсом в XIX в. Основные параметры прагматики применительно к философии прагматизма сформулировал в 1920-е гг. Чарлз Моррис. Однако прагматический подход к исследованию языковых явлений утвердился лишь к 60-м гг. XX века (Линч, 1983: 56).

Особенно большим прагматическим спектром отличаются знаки не прямой номинации, среди которых важное место занимают фраземы. Исследование закономерностей их использования в художественной речи открывает новые горизонты в понимании когнитивно-дискурсивных механизмов формирования имплицитного уровня содержания художественного текста, поскольку по своей природе фраземы – знаки косвенно-производной номинации – глубоко дискурсивны и прагматичны.

¹ Работа выполнена по гранту (Соглашение от 07 сентября 2012 г. №14.А18.21.0993).

Лингвопрагматическое изучение фразем в художественной прозе писателей Черноземья опирается на отечественные и зарубежные исследования, посвящённые функционированию языковых знаков в процессах коммуникации (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Дж. Сёрль, Дж. Остин, П. Грайс, Ч. Стивенсон, Р. Хэар, Л. Витгенштейн, В. Гумбольдт, Д. Дэвидсон, Дж. Лич, Г. В. Колшанский, В. А. Звегинцев, Н. Д. Арутюнова, Е. Ф. Тарасов, Р. Конрад, В. Дресслер, Б. Н. Головина, В. З. Демьянков, Н. Ф. Алефиренко, Т. М. Николаева, Р. С. Столнейкер и др.). С одной стороны, в современной лингвопрагматике речевое произведение противопоставляется окружающей действительности, так как представляет собой её знаковую модель, а с другой стороны, – понимается в качестве однородного с ней явления (Алефиренко, 2008: 115).

Лингвокогнитивистика и лингвопрагматика не являются автономными научными дисциплинами: существуют такие области, в которых они органически пересекаются. Так, объектом лингвопрагматики являются коммуникативно-стилистические свойства метафоры, служащие средством воздействия, убеждения и побуждения говорящих в процессе общения. Методологической базой лингвокогнитивистики является синергетический подход к пониманию и описанию знаков косвенно-производной номинации как основного средства объективации. Прежде всего, точкой пересечения лингвопрагматики и лингвокогнитивистики является дискурсивное пространство деятельности человека, то есть некая логическая среда, в которую погружён данный человек и которая включает в себя все когда-либо произведённые им дискурсы.

Связующим звеном когнитивной лингвистики и лингвопрагматики является антропоцентрическая направленность изучения фразеологических единиц. В основе когнитивно-прагматического подхода исследования образных конструкций постулируется не только взаимосвязь и единство языковых форм и субстанций, но и трихотомическое единство: *язык – речевое общение – человек*. В центре внимания оказываются языковые ситуации, участником которых является человек в качестве субъекта живой речи, объекта речемышления, персонажа художественного произведения (Алефиренко, 2011: 17). Деятельностное истолкование языка является основной идеей когнитивно-прагматического исследования, язык онтологически включен в человеческую деятельность.

Важнейшими категориями когнитивно-прагматического подхода к исследованию фраземы в художественной прозе писателей Черноземья является *концептуализация* жизненного опыта, то есть выделение минимальных структур знания, на объединение которых в крупные разряды – категории – направлен процесс *категоризации*. Указанные лингвокогнитивные процессы участвуют в возникновении и формировании фразеологических концептов, что определяет их выход к лингвопрагматическому исследованию. Направленность на осмысление познаваемой автором художественного произведения действительности, мысленную организацию объектов приводит к формированию, с одной стороны, субъективных, авторских, а с другой стороны, этнокультурнозначимых образных представлений об окружающем мире в виде фраземы. Фразема в исследуемых художественных текстах писателей Черноземья выступает в качестве репрезентанта как индивидуально-авторских систем мнений относительно описываемой ими объекта действительности, так и в качестве образного слова, обладающего этнокультурной коннотацией. В свете когнитивно-прагматического подхода актуальной оказывается проблема репрезентации знаний писателя о мире посредством образного слова, что обеспечивает эффективное воздействие на реципиента художественного произведения. Адекватное восприятие читателем текста обеспечивается благодаря гармоничным моделям знаний в виде фраземы.

Смысловые интерпретации познаваемых объектов, предметов действительности являются порождающей основой идей, которые порождают фразеологическое значение. Ср.: *Ух, как я летел! Но старшина, теперь уже ротный, велел обождать: каптенармус, видите ли, еще не привез из прачечной парадно-выходные байковые портянки. Выходит, опять вставил палки в колесо фортуны?* (Аршанский, 1987: 10). Фразема *вставлять палки в колесо фортуны* имеет шутливо-ироническую стилистическую окраску и представляет собой контаминацию двух фразем: *вставлять палки в колеса* и *колесо фортуны*, которые различаются стилистическими характеристиками. Фразема *вставлять палки в колесо фортуны* ('намеренно мешать кому-либо в каком-либо деле, в осуществлении чего-либо') – разговорная, употребляется в живой, непринужденной, преимущественно устной речи. Фразема *колесо фортуны* – книжная, употребляется преимущественно в письменной, публицистической речи. Известно, что Фортуна – это боги-

ня судьбы и удачи у римлян, изображалась с повязкой на глазах, стоящая на колесе. Такое подножие символизировало переменчивость и ненадежность, то есть фразеологизм *колесо фортуны* имеет значение 'слепой судьбы, превратностей, непостоянства человеческого счастья'. Так, в концепте «Фортуна» по существу отсутствуют смыслы «намеренное вмешательство в судьбу», «препятствие человеческому счастью», но они весьма актуальны для фраземы *вставлять палки в колесо фортуны*. Следовательно, фразеологическое значение формируется на основе выделения конкретной ситуации, которая имеет контекстуальную оформленность. Таким образом, для формирования фразеологического смысла важным является не только системное значение фраземы, но и характер субъектно-объектных отношений, отраженных в контексте предложения-высказывания. При этом фразеологическое значение представляет собой не просто узкий набор признаков, необходимых для конкретизации ситуации, изображенной автором, но и широкий спектр как эксплицитной, так и имплицитной информации и знаний.

Отличительной особенностью фразеологического концепта является наличие понятийного и прагматического компонентов. Однако понятие лишено предметной образности, как и смысл, и прагматической составляющей, а смысл не обладает понятийной определенностью (Алефиренко, 2012: 159). В процессе фразеомообразования смысл является более широким конструктом, чем понятие, поскольку раскрывает многообразные связи обозначаемого данной фраземой денотата с различными предметами и объектами фразеомообразующего концепта. Следовательно, содержание фразеомообразующего концепта шире и богаче понятийной составляющей содержания. Ср.: *Я теперь – корабль в чужом порту, грезящий о своей пристани. Уже и груз погрузили, и надо плыть, а днище пробито. Пусть внутри, остались одни инстинкты. Голова идет кругом, но жить нужно.* (Сухарев, 2004: 102). Понятийная составляющая фразеомообразующего концепта «Корабль» – 'крупное морское судно' лишена предметной образности, для фраземы *корабль в чужом порту* актуальными являются отсутствующие в концепте смыслы 'одиночество', 'чужая сторона', 'внутренняя растерянность', которые раскрывают многообразные связи фраземы с последующим контекстом. Фразеомообразующий концепт «Корабль» выступает в качестве побудительной силы для возникновения фразеологического дискурса, восстанавливает скрытые причинно-следственные связи, авторские интенции, определяющие употребление данной фраземы. Герой рассказа В. В. Сухарева «Туман» вспоминает прошлое, жалеет о прежних временах, потому что в настоящем чувствует себя одиноким, неприкаянным, сейчас он, словно *корабль в чужом порту*.

Значение фраземы представляет собой контаминацию смысловых вариаций фразеомообразующих компонентов и фразеомообразующего концепта. Термин *фразеологическое значение* можно трактовать широко и узко. В узком смысле фразеологическим значением является отражение в сознании человека фразеомообразующего концепта. Ср.: *После Мамаева побоища, которое произошло несколько часов раньше в управлении комбината, возвращаться к больному вопросу и переливать из пустого в порожнее не хотелось* (Балашов, 1987: 111). Так, в узком контекстуальном смысле значением фраземы *Мамаево побоище* является концепт «Крупная ссора». Однако с точки зрения широкого подхода фразеологическое значение представляется в качестве набора различных слов, которые добавляют уточняющие характеристики, являясь при этом значением. Та же фразема *Мамаево побоище* в каком-либо другом контексте может являться носителем более широкой информации, сопряженной с концептом «Крупная ссора», например, (а) беспорядок; (б) полный разгром; (в) тяжкое поражение; (г) кровопролитная баталия.

Интерпретация воспринимаемой читателем фраземы основывается на ее когнитивно-прагматической связи с художественным пространством текста, в котором образная конструкция функционирует. Необходимый для конкретной речемыслительной ситуации элемент лексико-фразеологической системы определяется и актуализовывается посредством лингвокреативного мышления писателя, то есть конкретная денотативная ситуация, отражаясь в сознании автора художественного произведения, вербализуется с помощью знаков косвенно-производной номинации. Структура отраженной в сознании писателя денотативной ситуации, вербализованной посредством фраземы, можно представить в виде фрейма – единицы знания, организованной вокруг концепта и включающую значительную информацию относительно данного концепта в пределах конкретной культуры (Т. А. Ван Дейк). Существенным для нашего исследования являются и другие интерпретации фрейма. М. Минский, например, говорит о фрейме как о структуре дан-

ных для представления стереотипной ситуации. Ученый рассматривает два вида фреймов, которые сейчас принято называть статическими (или просто фреймами) и динамическими (сценариями). Фрейм любого вида – это та минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов (Минский, 1979: 5). Дж. Тейлор рассматривает фрейм в качестве структуры знаний, объединяющей объекты косвенно-производной номинации (Taylor, 1995). Важный акцент делает В. В. Красных, определяя фрейм-структуру сознания как когнитивный компонент, который образуется штампами и клише языкового сознания и представляет «пучок предсказуемых валентных связей (слотов) и векторов направленных ассоциаций» (Красных, 2003: 289). Следовательно, фразеомообразующий **фрейм** – это когнитивная структура, организованная вокруг фразеомообразующего концепта и репрезентирующая обусловленные данной лингвокультурой смыслы.

Для исследования семантики фраземы, выявленной в художественной прозе писателей Черноземья, важно использовать понятие фрейма в качестве иерархически выстроенной системы знаний, репрезентирующей в семантической структуре образного слова информацию относительно определенной денотативной ситуации. Ср.: *О кормах пусть у дирекции голова болит, – парировал Самсонов. – Она у меня о руде должна болеть. Руда – хлеб промышленности* (Балашов, 1987: 116). В семантике метафоры *хлеб промышленности* содержится концептуальная информация интенционального характера: 'отрасль, определяющая развитие промышленности в целом'. Вариативная же информация определяется привязанностью к изображенной автором коммуникативно-прагматической ситуации – 'необходимое средство для существования чего-либо, кого-либо'.

Фреймы, лежащие в основе фраземы, отражают стереотипные знания писателя об участниках определенных ситуаций, имеющих вневременное значение. Посредством **фрейма-сценария** данная ситуация структурируется, то есть в виде логической последовательности репрезентируются традиционно воспроизводимые знания относительно типовой ситуации или участника данной ситуации. Ср.: *Добрыней Никитичем Таусия Филипповна с издевкой называла мужа за то, что он, где бы он не подрабатывал, уступал свой заработок голоштаным приятелям* (Тарасов, 2006: 16). Фразеологическое значение формируется фразеомообразующим дискурсом: знаниями стереотипной денотативной ситуации, обстоятельств и ее участников соответствующих событий. В приведенном выше контексте обычный человек назван *Добрыней Никитичем* не случайно. Добрыня Никитич – богатырь русского народного эпоса. Его отличало повышенное чувство сострадания к другим людям. Будучи служилым при князе Владимире, он всегда оставался учтивым, дипломатичным и щедрым; не стремился к обогащению и все заработанное с легкостью раздавал нуждающимся.

Принцип статичности является характеризующим критерием фрейма-схемы (или статического фрейма), организующего знания о стереотипной ситуации, состоянии, связанных единым дискурсивным контекстом, заданным во времени и пространстве. Так, человека-простака, простофилю обычно называют *Олухом царя небесного*. Ср.: *Ты хоть бы подумал, олух царя небесного, пристало ли мне, женщине, улаживать дела с мужчинами* (Тарасов, 2006: 15). Фразема *олух царя небесного* является продуктом народного творчества, имеет значение 'простофиля, простак, разиня, придурок'. Образное выражение указывает на приближенность наивных людей к Богу, на то, что они могут рассчитывать на его помощь. Известно, что юродивые, шуты, нищие и блаженные пользовались особой милостью Бога (небесного царя). *Олух царя небесного*, следовательно, один из таких бездельников, который ждет от Бога милости. По мнению А. И. Соболевского, слово *олух* произошло от «волух», то есть «пастухов валов» – так называли крайне простых, бесхитростных людей. В древности на Руси было в ходу имя Олух. Постепенно этот оным исчез, стало именем нарицательным, а все устойчивое сочетание сначала приобрело значение 'блаженный, нищий', затем – 'простофиля, простак, разиня, придурок'.

Вслед за М. Крессуэлом (новозеландский ученый, ему принадлежат исследования в области философии, логики, когнитивной лингвистики, семантики) отметим, что фразеологическое значение с точки зрения прагматики образуется следующим образом: интерпретатор сначала имеет дело с прямым значением лексемы, выявляет его глубинные связи и структуры, а затем просматривает различные ближайшие пропозиции, которые можно было бы считать переносным, фразеологическим значением при имеющейся прямой, буквальной семантике (Cresswell, 1973: 239). Ср. *Они бы тебя под орех разделили*,

если бы не Рашипиль... Помнишь он приходил, когда мы тот вагон брали? (Косневич, 1988: 206). Известно, что фразеологизм *разделать под орех* родился в профессиональной речи столяров и краснодеревщиков. Изготовление мебели под ореховое дерево из других сортов древесины требовало большого труда и хорошего знания дела. Данная фраза имеет значение 'делать мастерски, хорошо, безупречно'. Однако в представленном контексте она приобретает значение 'нанести существенный физические травмы человеку'. Таким образом, значение фраземы с точки зрения прагматики является отражение в сознании автора существенных свойств, характеристик представленной денотативной ситуацией, а также выражение авторского отношения к ней посредством употребления определенной образной конструкции.

Особенно ярко прагматический аспект фраземы в исследуемых текстах проявляется тогда, когда коммуникация анализируется не только как средство достижения «адекватного информирования» (Демьянков, 1984: 212), но и как цель, когда используется именно данную фразеологическую единицу, а не другое. В данном случае коммуникация в текстах произведений писателей Черноземья достигается, во-первых, посредством образных коммуникативных средств. Ср. *Ведь я что делал на своём веку? Пожар в душах людей тушил. Злобу их против друг друга умирлял. А сколько её было, злобы-то? Вот что надо сделать на всей земле. Не было бы тогда пожаров. И малых, и мировых...* (Белов, 1999: 119). Герой произведения, Парфентьич, пожарник на пенсии, давая интервью журналисту, рассуждает на вечные темы, используя профессиональные термины пожарников. Говорящий стремится к тому, чтобы адресат правильно расценил смысл его высказывания. Так, герой произведения занимался тушением не только пожаров, то есть неконтролируемого горения, причиняющего материальный ущерб, вред жизни и здоровью людей, но и *пожара в душах людей*, то есть злобы. В данном случае речь идёт о прямой подаче замысла с помощью фразеологизированной метафоры, которая оказывается вполне понятной, благодаря последующему контексту.

Таким образом, на примере художественной прозы писателей Черноземья мы показали, что осознание основополагающей роли когнитивно-прагматического подхода в исследовании генезиса образного слова и фразеологического значения позволяет определять языковые знаки косвенно-производной номинации в качестве когнитивно-прагматических образований, способных репрезентировать как абстрактные когнитивные сущности, так и конкретные денотативные ситуации.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО Издательство «ЭЛПИС», 2008. – 271 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Проблема выражения идиоматического смысла в художественном тексте / Н. Ф. Алефиренко // Русское слово в контексте этнокультуры XX-XXI вв.: Сборник научных трудов по итогам Международной заочной научной конференции (ноябрь, 2011 г.). – Старый Оскол: Изд-во «РОСА», 2012. – С. 157-164.
- Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке / Н. Ф. Алефиренко // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 16-28.
- Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Демьянков, В. З. О формализации прагматических свойств языка / В. З. Демьянков // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1984. – С. 197–222.
- Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
- Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
- Cresswell, M. J. Logics and languages / M. J. Cresswell. – London: Methuen, 1973. – 273 p.
- Fillmore, Ch. J. Toward a Frame-Based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors // Frames, Filds, fnd Contrasts. – Hillsdale, N.-Y.: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992. – P. 75-102.
- Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London, New York, 1983. – 250 p.
- Taylor, J. R. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory (second edition) / J. R. Taylor. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 270 p.